

17 5 СЕН 1974

ВРЕМЯ И СУДЬБЫ ГЕРОЕВ

К ГАСТРОЛЯМ В РИГЕ МОСКОВСКОГО ТЕАТРА ДРАМЫ И КОМЕДИИ НА ТАГАНКЕ

Встреча с новым зрителем для нас — всегда событие огромной важности. И это не просто слова вежливости. Я убежден, что привилегию театра привлекать к себе внимание публики история отменила, как и многие другие устаревшие привилегии. Доверие каждый раз необходимо завоевывать, и это нелегкий труд. В наш век взоры людей по праву приковывают к себе незаурядные исторические события, полеты в космос, динамика политических и социальных преобразований.

Театр не имеет права не учитывать этих событий. Художник должен знать, что его искусство лишь тогда вызовет живое эхо, когда оно будет рассказывать о самом волнующем, насущном.

Нашей первой постановкой был «Добрый человек из Сезуана» Бертольда Брехта — художника поразительной гражданской активности, яркого политического темперамента. Мы стремимся, чтобы каждый наш спектакль не оставлял людей равнодушными к жизни общества. Следуя заветам Брехта, мы не скрываем своего отношения к тому, что изображаем, не чураясь ни сатиры, ни патетики, откровенно смеясь

над тем, что нас возмущает, и утверждая со всей искренностью правду жизни. Мы вышли из студии — из актерского курса, которым я руководил в школе-студии имени Б. Шуккина при Театре имени Евг. Вахтангова. И наше заветное желание — сохранить верность студийному духу молодости; с ее непримиримостью к фальши, непосредственностью.

Однако быть правдивым — это высокое мастерство. Искренность дается лишь благодаря филигранной технике. Потому каждый спектакль, каждый поиск того, как «мысль разрешить», выделим для нас от поисков современной эстетики. На наш взгляд, в образном языке сцены должна найти выражение та конденсированность событий, которая характерна для нынешней жизни. Театр на Таганке тяготеет к поэзии с ее насыщенностью образами, щедростью воображения, смелыми сопряжениями далекого и близкого, исторического и интимного.

Мы ищем метафоричные, наиболее действенные

приемы для выражения своих мыслей и чувств и считываем на творческую активность зрителя. В этом и состоит смысл стремления к художественному своеобразию, о котором говорил тов. Л. И. Брежнев в Отчетном докладе ЦК КПСС XXIV съезду партии: «Мы за внимательное отношение к творческим поискам, за полное раскрытие индивидуальности дарований и талантов, за разнообразие и богатство форм и стилей, вырабатываемых на основе метода социалистического реализма».

Художественное своеобразие — это не оригинальничанье, а жизненная необходимость. Ромен Роллан был прав, предостерегая художника: «Если тебе нечего сказать — молчи!». Но как будет говорить тот, кто не знает, как сказать то, что ему хочется? Косноязычие в искусстве может обернуться пародией на те идеи, которые высказываются, как буквальное перенесение реального явления на сцену может обернуться ложью.

Правда театра — в мысли, но не в любом, а

только в таком, который соответствует законам подлинного творчества. Искусство говорит образами, и мы не таим этого, пытаясь дать не копию жизни, а ее ступок, ее наиболее яркие грани.

Театр — это искусство не только слышимое, но и видимое. Нас увлекает возможность найти в пьесе не только смысловую, но и чисто театральную зрительную ход. Мысль выражается словом, но и телом. Театр — искусство синтетическое, оно вбирает в себя не только литературу, но и живопись, скульптуру, музыку... Подобно тому, как в поэзии рифмуются, обретая единство, различные понятия, на сцене сочетается свет и слово, ритм и пластика. И этот язык сценических композиций говорит очень многое.

Как известно, смешение угла и селитры дает порох. Мы тоже стремимся к взрывчатым сочетаниям сценических элементов, желая, чтобы они дали вспышку, озаряющую все вширь и вглубь, бросающую яркий свет на мир и душевную жизнь человека.

Творчество — это, как говорил Маяковский, «езда в неизвестное», открытие но-

вого. За линией рампы вещи, явления и люди должны сбросить стертые оболочки, поражая нас своей новизной. Отметая будничное, искусство стремится к существенно-му. Форма — это наиболее выразительный способ говорить правду, это предельная острота идеи, способная пробить броню равнодушия. Быть может, нам еще потому чужды так называемые бытовые формы театра, что мы не приемлем спокойной созерцательного отношения к жизни. Задача заключается не в том, чтобы копировать действительность, а в том, чтобы ее преобразовать. Маркс говорил, что философы лишь объясняли мир, но задача состоит в том, чтобы изменить его.

Для нас является единым делом высота помыслов и высота мастерства, глубина содержания и яркость формы. Повторяю, только зная, что говорить и как говорить, художник имеет право требовать к себе внимания.

Нам трудно судить, чего достиг наш театр. Но непрерывность размышлений о месте человека в современном мире, тщательность поисков своего художественного языка дают нам надежду на благожелательный отклик зрителей в гостеприимной Советской Латвии.

Юрий ЛЮБИМОВ,
главный режиссер Московского театра драмы и комедии на Таганке.